2 экз.

Р. С. Ф. С. Р.

Издательство Саратов. Губ. Агентства „Центропечать“.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ил. ВАРДИН.

Великая Октябрьская Революция

(1917—1919 г.г.).

146
К. А.
Гражданской войны

Коммунистической
Академии

Великая октябрьская революция.

(1917—1919 г. г.).

Оглянемся назад.

Наступила вторая годовщина Великой октябрьской революции. Два года, как у власти стоят российские рабочие и крестьяне. Два года трудящиеся держат крепко в руках огромное государство,—несмотря на бесчисленное множество врагов, несмотря на бешеный натиск контрреволюции, на голод, холод, разруху, незнание, неумение Два года, как вековые притеснители рабочих и крестьян свергнуты и страною правят труженики, вышедшие из народных низов. Два года мы стоим на боевом посту..

А между тем нам пророчили гибель неминуемую, враги народа утверждали, что советская власть продержится несколько дней, самое большее—несколько недель.

Как все это случилось? Как пришли к власти трудящиеся? Как держались они у кормила правления? Что сделано рабоче-крестьянским государством для трудового народа? Каковы задачи, стоящие перед нами?

В дни второй годовщины великой проле-

тарской революции нам нужно оглянуться назад, нужно измерить путь, пройденный нами, учесть ошибки, подвести итоги всему тому, что завоевано в суровой борьбе.

Крушение трона.

27 февраля царский трон был превращен в щепки. Петроград находился в руках восставшего народа. Хозяином положения стал Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

Но в те же часы, когда был создан совет, сорганизовался и комитет государственной думы, во главе с помещиком Родзянко.

Вокруг совета об'единился восставший народ и все те, кто в ту минуту шел с ним. Вокруг комитета думы об'единились помещики и капиталисты,—все те, кто не хотел революции, но не имел силы выступить немедленно против восставшего народа.

В самом деле, кто руководил думским комитетом? *Михаил Родзянко*, крупный Екатеринославский помещик, думский председатель, прозванный думским губернатором за его безобразное отношение к левым депутатам. Когда петроградские рабочие и работницы вышли на улицу, когда к ним присоединились солдаты, единственной заботой г-на Родзянко было *спасти царя, сохранить трон.*

26 февраля он посылает царю следующую телеграмму:

„Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Растет общее недовольство. На улицах беспорядочная стрельба. . Необходимо поручить лицу, поль-

зующемуся доверием страны, составить новое правительство. Всякое промедление смерти подобно. Молю бога, чтобы часть ответственности не упала на венценосца".

О каком „лице" говорил Родзянко? О представителе помещиков и буржуазии, о человеке, пользующемся их доверием, но, конечно, не доверием рабочих и крестьян. Родзянко уговаривает царя: торопись! брось народу кость! иди на уступки с нами и все образуется.

Но царь не хотел идти на уступки. В ответ на телеграмму Родзянко он прислал указ о роспуске Государственной думы.

27 февраля, когда трон фактически уже был разрушен, г. Родзянко послал царю вторую телеграмму:

„Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии".

Советы не помогли. Царский трон рухнул. Но одно несомненно: в тот момент господа Родзянки были лучшими друзьями, наиболее умелыми защитниками погибающего трона.

Второй „столп" думского комитета черносотенец Шульгин, в 1906 году требовавший для революционеров полевых судов, верный слуга царя, талантливый защитник самодержавного режима.

Далее следует г-н Милюков, вождь партии кадетов, непримиримый враг революции. За две недели до переворота г. Милюков заявлял, что начинающееся в Петрограде движение—это, мол, дело немецких шпионов и провокаторов.

Промышленная буржуазия была представлена в думский комитет в лице ярославского фабриканта Коновалова.

Словом, это было учреждение помещиков и буржуазии. Думский комитет не хотел народного восстания, не хотел крушения трона—он добивался небольших уступочек,—не народу, конечно, а помещикам и капиталистам.

27 февраля карона пала. Николай был свергнут. С этим приходилось мириться. Но вожди буржуазии решили сохранить самодержавие. Каким образом? Тут необходимы были переговоры с самим Николаем. Лишь при его участии можно было придумать план сохранения царского строя.

И вот в Псков, где находился тогда Николай, едут Шульгин и известный буржуазный „деятель" Гучков. Исполнительный Комитет Петроградского Совета, узнав о намерении Шульгина и Гучкова, принял меры к недопущению поездки, но им удалось проскочить в Псков и видеться с царем.

В результате царь подписал отречение от престола—в пользу брата своего Михаила. В манифесте, который был предложен царю на подпись Гучковым и Шульгиным, между прочим, говорится:

„Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского".

Этого как раз нужно было помещикам и капиталистам, за этим ездили в Псков Шульгин и Гучков. Вместо одного коронованного палача—другой, вместо разбитого трона—но-

вый, вместо свергнутого самодержца—новый венценосец. Так хотела буржуазия, так хотели господа помещики.

Но народ не желал нового царя. Он своей кровью завоевал свободу и не собирался отдавать ее никому. Весть о передаче „наследства“ Михаилу вызвала бурю негодования. Трон был разрушен—„наследником“ мог быть лишь народ. Свергнутый царь „благословил“ брата своего на царство, но народ заявил:—не позволю!

И Михаил Романов счел за благое отказаться от трона, который был окончательно разрушен, на котором нельзя было удержаться ни одной минуты. Он заявил, что „без одобрения народа не считает для себя возможным принять престол“.

Таким образом, буржуазия потерпела неудачу: с новым царем дело не выгорело. Но ее ожидали впереди новые успехи при составлении правительства.

Временное правительство было составлено по соглашению между думским комитетом и исполнительным комитетом совета рабочих и солдатских депутатов. Руководители Совета, меньшевики и эсеры, решили в состав нового правительства не входить. Список членов правительства был составлен думским комитетом и утвержден меньшевиками и эсерами.

Из кого состояло первое русское революционное правительство?

Председателем совета министров был назначен князь Е Львов—крупный помещик, председатель общеземского союза, сторонник „умеренной“ монархии.

Пост военного министра вручили Гучко-

ву—вождю буржуазии, непримиримому врагу революции.

Министром иностранных дел был назначен Милюков—руководитель русского империализма, считавший необходимым завоевание проливов и Константинополя. К революции, г. Милюков еще с 1905 года относился с огромной ненавистью. Революционеров он называл „левыми ослами". Свержение царского строя он считал большим несчастием. 2-го марта, в день подписания Николаем манифеста об отречении, Милюков заявлял в Таврическом дворце, что стоит за монархию, за царя.

Далее в состав правительства были включены кадеты Шингарев, Мануйлов и Некрасов, киевский сахарозаводчик Терещенко и другие представители буржуазии. Министром юстиции был назначен Керенский. Этот господин при кадетах играл роль подголоска, перед народом являлся в роли краснобая.

Таково было первое правительство революции. Оно должно было дать народу мир, землю, свободу, хлеб, должно было очистить Россию от грязных остатков царизма и создать новые свободные порядки.

Но могло-ли правительство, составленное из капиталистов и помещиков, могло-ли такое правительство выполнить все это? Конечно, нет! Конечно, оно могло ограничиться лишь обещаниями...

Но вернемся к первым дням революции.

Думский комитет решил избавиться от революционного гарнизона. Он попытался снова подчинить солдата „господину офицеру".

На этой почве между думским комитетом и советом произошел конфликт. Вскоре он

окончился победой совета. Был издан „приказ № 1“, который говорит о правах солдата, отменяет отдание чести вне службы и так далее. Затем было условлено, что правительство не выведет из Петрограда революционные части гарнизона.

Были арестованы старые министры и наиболее ненавистные народу слуги царя. Но старый командный состав остался на месте. А каков был этот состав, видно из следующего документа. 3 марта начальником штаба верховного главнокомандующего ген. Алексеевым был издан следующий приказ:

„Из Великих Лук на Полоцк едет депутация в 50 человек от нового правительства и *обезоруживает жандармов*. Таким образом, начинают уже появляться из Петрограда *чисто революционные разнузданные шайки*, которые стремятся разоружить жандармов на железных дорогах и которые в дальнейшем будут стремиться захватить власть как на железных дорогах, так и в тылу армии и вероятно попытаются проникнуть и в самую армию.

При появлении где либо таких самозванных делегаций, таковых желательно не рассеивать, а стараться захватывать ее, по возможности тут же назначать *полевой суд*, приговор которого привести немедленно в исполнение“.

Подобного рода приказы были изданы и другими генералами. Но вскоре им стало ясно, что нужно на время смириться, подчиниться революции. Они „смирились“ и остались на своих местах.

Правительство старалось „облегчить участь“

свергнутого царя. Оно разрешило ему... выехать в Англию, к своему двоюродному брату— английскому королю. Но выслать царя за границу это значит—помочь ему в организации заговоров, в подготовке нашествия на революцию. Исполнительный Комитет воспротивился этому решению. Царь был об'явлен арестованным.

Во всем правительство пыталось идти своим путем. Ему не нравился контроль совета. Оно хотело свободы действия. Революция сильно начинала стеснять правительство буржуа и помещиков. Оно стало вопить о „двоевластии“, о том, что Совет вмешивается в государственные дела. Правительство хотело своего, *буржуазного единовластия*.

От февраля—до июля.

Правительство революции должно было выполнить требования народа. Чего требовали рабочие и крестьяне?

Прежде всего—*прекращения войны*. Истинно-революционное правительство предложило бы всем народам и правительствам честный, немедленный, справедливый мир без грабежа и насилия. Подлинно народное правительство опубликовало бы все тайные грабительские договоры, заключенные царем с чужеземными капиталистами и королями, и тем открыло бы всем глаза на истинный характер войны.

Но временное правительство не пошло этим путем. Самое большее, на что согласилось оно под давлением революционных масс, так это заявление... опубликованное прави-

тельством 15 апреля о наших целях войны. В заявлении говорилось:

„Цель свободной России—не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не *насильственный захват чужих территорий*, но утверждение полного мира на основе самоопределения народов“.

Это были пустые слова, произнесенные для обмана народа. Ровно три дня спустя, министр иностранных дел Милюков обратился к союзникам с нотой, в которой заявил, что Россия будет вести войну до победного конца, что она будет соблюдать все старые царские договоры об ограблении целого ряда стран, о захвате чужих земель, в частности проливов и Константинополя.

Правительство говорило одно, министр твердил другое. Это вывело рабочих и солдат из терпения. 21 апреля в Петрограде произошла грандиозная демонстрация против правительства. Военный министр Гучков приказал начальнику гарнизона ген. Корнилову вывести артиллерию против рабочих и солдат. Но приказ повис в воздухе: распоряжение Корнилова было отменено советом. На этот раз палачам буржуазии не удалось выкупаться в народной крови.

В результате демонстрации Милюков и Гучков вышли в отставку. Правительство заявило, что оно берет обратно ноту Милюкова, что оно стоит на точке зрения мира без аннексий и контрибуций. Милюкова на посту министра иностранных дел заменил капиталист Терещенко—более осторожный, более „спокойный“ представитель буржуазии.

Но никакого значения эта перемена, конечно, иметь не могла. Вопрос о мире не подвинулся ни на шаг вперед.

То же относится и ко всем другим вопросам. Все они откладывались до учредительного собрания. Но жизнь не ждала. Да и само учредительное собрание было скрыто в туманную даль: правительство не торопилось с назначением срока выборов...

К концу апреля стало очевидно, что временное правительство явно не в состоянии стоять во главе революции. Нужны были изменения. Но какия?

Большевики отвечали: *власть должны взять в руки советы*. С капиталистами должна быть порвана всякая связь. Необходимо создать советское, трудовое единовластие.

Меньшевики и эсеры выдвинули другой план. Без капиталистов и помещиков нельзя. Опыт показал, что одни они не в состоянии управлять страною. Но без них, без помещиков и буржуев, мы тоже бессильны. Необходимо создать власть, основанную на соглашении, на союзе, на *коалиции* с буржуазией.

3 мая в правительство вступили меньшевики Церетелли и Скобелев и лидер эсеров Чернов. В новом коалиционном правительстве было всего два „беспартийных“ (Львов и Терещенко) 2 эсера, 2 меньшевика, 2 народных социалиста, 4 кадета, 1 прогрессист, 1 октябрист, 1 националист.

Правительство первым пунктом своей программы выставило „скорейшее достижение всеобщего мира“. Затем говорилось о „демократизации“ и „укреплении“ армии. Относительно земли говорилось, что будет выполне-

на „подготовительная работа“ для ее передачи трудящимся. Наконец, правительство обещало „скорейший созыв учредительного собрания“.

В заключение правительство заявило, что его обещания могут быть выполнены лишь „при условии полного и безусловного к нему доверия всего революционного народа“.

Итак, в состав правительства входили представители всех партий, за исключением большевиков. Только мы не считали возможным сотрудничать с буржуазией. Мы не ожидали от этого сотрудничества ничего, кроме вреда для дела революции.

Что дала коалиция? Ровным счетом ничего. При малейшей попытке со стороны министров-„социалистов“ сделать хоть что нибудь для народа,—Коновалов, представитель капиталистов, вышел из правительства. Вообще роль представителей буржуазии в правительстве сводилась к тому, чтобы тормозить всякую работу, уничтожать в корне все робкие попытки меньшевиков и эсеров придти на помощь народу.

Единственное, в чем проявляли энергию министры-капиталисты, так это в требовании „обуздания“, преследования революционных рабочих и солдат вообще и большевиков в особенности.

В итоге к началу июня „воз“ революции стоял на прежнем месте.

Правда, в конце мая союзники сделали заявление об их целях войны. Но эти заявления ни на шаг не приблизили заключение мира.

Так, Америка уверяла, что она „не ищет ни материальной пользы, ни каких либо при-

ращений“, но не отвечала на вопрос: готова ли она заключить мир?

Франция заявляла, что она, конечно, за „право и справедливость“, против захватов, но Эльзас-Лотарингия ей должна быть возвращена. Она против насильственных присоединений, но требует „необходимой гарантии для предупреждения в будущем несчастий“. Иными словами—Франция требовала левого берега Рейна. Наконец, она заявляла, что „желает возмещения убытков“, то есть контрибуции. Словом, те грабительские условия мира, которые были навязаны немцам в Версале в 1919 году, эти условия были провозглашены Французами еще в мае 1917 г.

Наконец, Англия. Господа английские империалисты тоже, конечно, уверяли, что они против всяких захватов, что они воюют в целях „освобождения народностей угнетенных чужой тиранией“ и так далее. Этими целями—заявляли господа англичане—вполне отвечают „соглашения, заключавшиеся Англией от времени до времени с союзниками“. Но - говорилось далее в заявлении—если русское правительство этим не довольно, то „британское правительство совершенно готово со своими союзниками *исследовать* и если нужно пересмотреть эти заявления“.

Итак, тут как будто все обстояло благополучно: и освободительные цели, и готовность пересмотреть соглашения... На деле здесь имело место обычное дипломатическое жульничество. Английские разбойники болтали об „освободительной войне“, а на деле думали о захватах в Африке, Египте, Аравии, Месопотамии.

Заявления союзников не имели никакой цены. Они плохо—вернее,—нисколько не прикрывали их грабительских аппетитов. Всякое подлинно-революционное правительство после такого заявления сказало бы союзным империалистам: русскому народу с вами не по пути, мы требуем честного мира.

Коалиционное правительство, наоборот, осталось весьма довольным заявлениями союзников и стало убеждать массы в необходимости „войны до конца" в тесном единении с „союзниками".

В первых числах июня был созван всероссийский съезд советов. Съезд высказался за союз с капиталистами и помещиками. Он отверг предложение большевиков о переходе власти к советам. Съезд разошелся с революционным Петроградом, в это время шедшим уже под знаменем большевизма.

После революции война на фронте фактически прекратилась. Во многих местах началось братание. Буржуазии это не нравилось. „Союзники" требовали возобновления военных действий.

В ответ на требование рабочих и солдат: „мира, хлеба и свободы",—буржуазия и ее подголоски начали бешеную агитацию за *наступление на фронте*, за обуздание внутри революционных рабочих и солдат...

18 июня в Петрограде произошла грандиозная демонстрация. Сотни тысяч рабочих, солдат, матросов шли под лозунгами: „Долой десять министров-капиталистов!" „Вся власть советам!" „Отменить приказ против солдат!" „Пора кончить войну!" „Пусть совет депутатов объявляет справедливые условие мира!"

„Ни сепаратного мира с Вильгельмом—ни тайных договоров с французскими и английскими капиталистами!“ „Хлеба, мира и свободы!“.

Эта демонстрация была выражением недоверия коалиционному правительству. Правительство ответило тем, что оно в тот же день бросило в наступление русские войска. Бросило по приказу союзных капиталистов, бросило в угоду отечественной и союзной буржуазии.

На-ряду с этим усилился поход против революции—против рабочих, солдат, матросов. Начались аресты, обыски. Контр революция подняла голову. Рабочие и солдаты прониклись тревогой за судьбу революции, за ее настоящее и грядущее. Они видели, что коалиционное правительство—правительство министров-„социалистов“ и министров-капиталистов—идет против народа, против революции. Массы мучительно искали выхода и находили его в лозунге:

„Вся власть советам!“ Другого пути для них не было.

Июльское усмирение и генеральское восстание.

2 июля кадеты Шингарев, Мануйлов и Шаховской вышли из состава правительства. Они придрались к украинскому вопросу: в Киеве Церетели, Терещенко и Некрасов заключали соглашение с украинской радой, и это господам кадетам не понравилось. Но дело было не только в украинском вопросе. Правительство, под давлением масс, приступило к обсуждению некоторых земельных законов.

Кадеты не могли допустить этого, они и слышать не хотели о передаче земли народу. Правительство не собиралось, конечно, производить эту передачу. Но кадеты принятие даже самых скромных мер в земельном вопросе считали недопустимым. И они ушли.

Весть об уходе кадетов всколыхнула массы. Наиболее видные представители буржуазии ушли. Коалиция—разваливалась, соглашение рушилось. Буржуазия как бы сама очищала дорогу народу.

После крушения коалиции могла и должна была быть одна власть—власть Советов.

3-го июля, во имя этого лозунга, вышли на улицу рабочие и солдаты Петрограда. Они направились к Таврическому дворцу и предложили тогдашним вождям советов—меньшевикам и эсерам—взять власть в свои руки, отказаться от союза с буржуазией, и заключить союз с революционным пролетариатом.

Да, это был небывалый в истории случай: огромные массы поднялись, вышли на улицу с единственной целью: произвести давление на избранных ими людей, чтобы те взяли власть в руки. Масса 3-го июля не восстала, она не пыталась свергнуть существующую власть. Ее не было смысла свергать. Ибо *временное правительство держалось по милости советов*,—вернее, по милости тогдашних вождей совета—меньшевиков и эсеров. Власть временного правительства могла быть заменена лишь властью советов.

Меньшевики и эсеры не захотели этого. Выступление рабочих и солдат они попытались представить как *восстание* против „существующей власти". Выступлением они вос-

пользовались для того, чтобы усмирить революционных рабочих и солдат, задушить ненавистную буржуазии партию большевиков.

Началась бесстыдная, преступная, позорная расправа. С фронта были вызваны войска для усмирения рабочих. Были произведены массовые аресты, началось расформирование „непокорных" полков. Приступили к разоружению рабочих.

С особенной яростью буржуазия и ее лакеи—эсеры и меньшевики—набросились на партию большевиков. Были арестованы Троцкий, Каменев, Луначарский, Коллонтай, Раскольников и другие. Вынуждены были скрыться Ленин и Зиновьев. Редакция Центрального органа нашей партии „Правды" была разгромлена юнкерами. Типография нашей партии, созданная на средства питерских и московских рабочих, была разрушена казаками и юнкерами.

Революция была придавлена. Буржуазия торжествовала. Она имела все основания праздновать победу, одержанную руками своих лакеев. Враги народа ободрились, осмелели, обнаглели и перешли в наступление. Контрреволюционная волна поднялась на небывалую высоту. Буржуазия пыталась добить революцию, додушить своего главного врага—партию большевиков.

По всей России начался неслыханный поход лжи и клеветы, бесшабашная травля революционных вождей рабочего класса. Ряд наших газет было закрыто. Двери тюрем „гостеприимно" открылись для большевиков. На фронте начался массовый поход против революционных солдат...

7-го июля председатель коалиционного правительства князь Львов заявил об уходе в отставку. Причиной отставки он назвал „глубокое расхождение“ с земельными проектами министра Чернова. Пост председателя во временном правительстве перешел к Керенскому.

10-го июля меньшевики и эсеры временное правительство об'явили „правительством спасения революции“ и облекли его „неограниченными полномочиями“ для того, чтобы согнуть в бараний рог солдат, рабочих и крестьян.

22 июля соглашательская канитель возобновилась. Керенский, предварительно заявив об отставке, получил полномочие „от всех партий“ составить новое правительство Он возобновил коалицию, пригласив в „новый“ кабинет трех эсеров, трех меньшевиков, четырех кадетов и пять полукадетов. На деле „неограниченными полномочиями“ владел Керенский, которым играли, как куклой, русские буржуа и союзные министры. Спустя несколько дней он в угоду буржуазии восстановил смертную казнь для солдат на фронте.

Власть свою Керенский употреблял исключительно для борьбы на лево, для обуздания революции. Контр-революция организовывалась открыто. Буржуазия яростно нападала на „советы, комитеты“ и прочие—как она выражалась—„самочинные“ организации.

А правительство Керенского висело в воздухе Его ненавидели рабочие, солдаты, крестьяне. Но его не считала своим и буржуазия. Для нее правительство Керенского, прави-

тельство из „социалистов“ и „демократов“, было не приемлемо. Прежде всего оно не высказывало достаточно энергии в борьбе с народом. Буржуазия хотела расправы дикой, зверской, массовой, беспощадной. Для этого она должна была создать свою власть во главе с „генералом на белом коне“. Такой генерал у буржуазии давно уже был на примете...

12 августа Керенский в Москве созвал „Государственное совещание“. Присутствовали тут представители промышленников, помещиков, банкиров, кооператоров, проф. союзов, городов, земств, советов, офицерства; казачества, давно умерших царских дум, армии, флота и так далее и тому подобное. Правительство состав совещания подбирало таким образом, чтобы революционное крыло было возможно более слабым. Поэтому советам было дано ограниченное количество мест, большевиков совсем не пустили. За то господа помещики и буржуа заполняли собою правую часть огромного большого театра...

Для чего было созвано совещание? Правительство хотело собрать все „живые силы страны“, об'единить их и опереться на них, чтобы не чувствовать себя висящим в воздухе. Буржуа, помещики, генералы пошли на совещание с целью свалить правительство Керенского и передать власть своему „герою“, верховному главнокомандующему генералу Корнилову.

Расчеты буржуазии не оправдались, ибо в дело вмешался пролетариат: на открытие московсковского совещания московские рабочие ответили грандиозной всеобщей забастовкой.

Господа буржуазные заговорщики поняли, что свалить Керенского им, быть может, и удастся, но справиться с рабочими будет трудно.

Не оправдались и расчеты правительства: „живые силы“ на деле не об'единились. Буржуазия в лице генералов Каледина, Корнилова, Алексеева и своих политических вождей Милюкова, Маклакова, Гучкова, Набокова, потребовала разгона советов, роспуска армейских комитетов, восстановления смертной казни не только на фронте, но и в тылу, восстановления всевластия капиталистов на фабриках и заводах и т. д. Меньшевики и эсеры на все это пойти не могли. Они лепетали об „единении“, о забвении своих „узко-классовых“ интересов. Их вождь Церетели жал руку вождю капиталистов Бубликову. Но все это были пустые слова и жесты. Буржуазия не шла ни на какие уступки. Она предоставляла соглашателям отказываться от своей программы. Сама же неуклонно шла к своей заветной цели — к власти и господству...

Во имя осуществления этой цели 27 августа ген. Корнилов поднял в ставке мятеж. Его поддержали генералы: Деникин, Лукомский, Марков, Эрдели и другие. Мятежники двинули свои войска на революционный Петроград. Дело, которое сорвалось в Москве, буржуазия хотела осуществить захватом первого города революции. Корниилов находился в стачке с Керенским, с военным министром Савинковым, комиссаром главного штаба Филоненко и другими. Эта названная только-что четверка должна была составить *диктаторскую власть*, которая „железом и кровью“ —

как любил выражатся Керенский—усмирил бы революцию...

Бунт генералов был подавлен рукою революционных рабочих и солдат. В эти грозные „корниловские дни", когда революция была в смертельной опасности, оправившаяся от ударов партия большевиков шла впереди революционных масс.

Партия кадетов была в союзе с Корниловым. Ее главный орган—„Речь" ничуть не скрывала своей радости по поводу неизбежного—как ей казалось—торжества мятежных генералов. Как только стало известно о мятеже, министры-кадеты немедленно вышли из правительства.

Измена буржуазии была очевидна для всех. И вот поднимался вопрос: неужели по-прежнему продолжать сотрудничество с ней? Неужели не пора покончить с соглашательством?

Массы по всей России отвечали на это: да, пора! Да, нужно рвать с буржуазией! Необходимо, чтобы советы взяли власть в свои руки! Корниловский мятеж открыл глаза миллионам. Они увидели, что союз с капиталистами и помещиками не дает ничего, кроме вреда. Они видели, что соглашательское правительство не дало народу ни мира, ни земли, ни свободы. Рабочие, солдаты, крестьяне приходили к выводу, что есть один правильный путь—это путь, намеченный партией большевиков.

Но эсеры и меньшевики продолжали оставаться на старых позициях. Для решения вопроса о власти они решили созвать... „демократическое совещание". Оно было открыто

в Петрограде 14 сентября. На нем преобладали представители кулаков, мещанства, вообще мелкой буржуазии. Господам кооператорам было уделено больше внимания, чем советам.

Совещание несколько дней жевало и пережевывало вопрос о коалиции. В конце концов подошли к голосованию и... позорно провалились. 766 голосов было подано за коалицию, 688—против коалиции. Итак, незначительным большинством проходит коалиция. Но встает вопрос: с кем коалиция? Вносится „поправка“: только не с кадетами. И эта поправка принимается подавляющим большинством. Это был форменный скандал: коалиция с буржуазией нужна, но коалиция с главной буржуазной партией, с кадетами, недопустима!.. Так обанкротилось „демократическое совещание“.

Перед концом своих высокополезных трудов это несчастное совещание оставило истории еще более уродливое, безвольное, безгласное учреждение—Совет Республики, или иначе—„Предпарламент“. Это было совершенно бесправное учреждение: ему предоставлялось Керенским заниматься лишь праздной болтовней...

„Демократическое совещание“ нашло невозможным соглашение с кадетами. Но коалиции без кадетов не могло быть. 25 сентября Керенский составил „новое“ правительство,—конечно, с участием кадетов. Оно просуществовало ровно один месяц. Наиболее яркими фигурами в правительстве, после Керенского, были: кадет Кишкин, бывший комиссар Москвы; капиталист Третьяков, председатель

Московского биржевого комитета; кадет Смирнов,—видный московский фабрикант. Из „старых знакомых" в последнем правительстве Керенского входили киевский заводчик Терещенко и ярославский фабрикант Коновалов.

— Что делала коалиция? Ничего. Она усмиряла рабочих, усмиряла солдат, подавляла восстания крестьян, по всей России поднявшихся для завоевания земли...

Меньшевики и эсеры впали в глубокое уныние. Они не могли не признаться, что соглашательство не дало ничего. Они вынуждены были признать, что не сделано ровным счетом ничего для приближения мира, для конфискации земли у помещиков, для облегчения положения трудящихся масс...

На соглашательском пути выхода нет! „Сотрудничество" классов ничего не даст. Нужна *однородная*—либо революционная, либо контр-революционная—власть.—Вот к каким выводам приходили разные партии после корниловского мятежа, после „демократического совещания", то есть после того, как коалиция окончательно осрамила себя.

Против коалиции высказывалось подавляющее большинство советов, почти вся армия, часть эсеров, часть меньшевиков. Против коалиции под конец стали выступать партия кадетов, которая, конечно, мечтала об однородной буржуазной власти.

Но где же выход?

—Вся власть советам!—отвечала партия большевиков.

—Вся власть советам! — подхватывали клич почти все советы, весь рабочий класс, вся армия.

Неизбежность перехода власти к советам и к партии большевиков,—которой в это время принадлежало большинство в советах,—неизбежность такого переворота признавалась не только нами, но и нашими врагами.

Например, 21 сентября центральный орган партии эсеров писал, что раз буржуазия не хочет соглашения, значит, *власть нужно взять в руки большевикам*. В этом случае—добавляла эсеровская газета—эсеры и меньшевики *„должны гарантировать им (большевикам) полную поддержку“*.

Теперь мы знаем, какую „поддержку“ оказали нам эсеры и меньшевики после того, как мы стали у власти. Но факт тот, что за месяц до октябрьской революции наши враги признавали *неизбежность* прихода к власти большевиков...

В сентябре месяце партия большевиков имела на своей стороне подавляющее большинство трудящихся. Это накладывало на нее великую ответственность, это *обязывало* ее к борьбе за свержение правительства Керенского. Власть советов могла утвердиться на развалинах буржуазно-соглашательской власти.

Накануне.

Сентябрь и октябрь прошли под знаком крестьянских восстаний, солдатских волнений, продовольственных беспорядков и так далее. В ряде городов толпа самовольно освобождала революционеров из тюрем...

Крестьяне, не дождавшись решений сверху, самовольно захватывали помещичьи

земли. Но за это их эсеровский министр Авксентьев тысячами стал сажать в тюрьмы. Тогда крестьяне подняли восстание против „социалистического“ правительства, защищавшего помещиков.

Солдаты, утомленные войной, видевшие не желание и неспособоность правительства бороться за мир, также начали борьбу.

Накануне октябрьского переворота Россия представляла из себя кипящий котел.

Это кипение страны прежде всего отражалось на советы. Они отказывались от соглашательского пути и становились под революционное знамя партии большевиков.

Первым изжил соглашательство Петроградский Совет. 9 сентября он уже скинул со своих плеч соглашательский президиум во главе с Чхеидзе-Церетелли. 23 сентября в резолюции Петроградского совета говорится:

„Страна находится перед угрозой новой атаки со стороны контр-революции. Международный империализм в тесном контакте с русской буржуазией подготовляет совместные шаги для удушения революционных рабочих, солдат и крестьян. Контр-революционные организации капитала все еще существуют и даже сейчас заседает в Москве так называемое совещание общественных деятелей, которое являлось организующим центром корниловского выступления... Отпор контр-революции может быть дан лишь организованными центрами революционной демократии—Советами“.

25 Сентября Петроградский Совет „новое“ коалиционное правительство Керенского об'явил „*правительством гражданской войны*“ и заявляет: „правительству буржуазного всевла-

ития и контр-революционного насилия, мы, рабочие и гарнизон Петрограда, не окажем никакой поддержки". На том же заседании председателем Совета избирается тов. Троцкий.

10 Октября в Петрограде открылся северный областной с'езд советов. В резолюции с'езда читаем:

„Спасти народ может только немедленный переход всей власти в руки органов революции—советов... Временное правительство губит страну и держится только на силе. Но страна хочет жить, и вр. правительство должно сойти с ее дороги. На стороне Советов не только право, но и сила. Время слов прошло".

Так говорил не только Петроград, не только северная Россия, так говорили центральная Россия, Урал, Поволжье, Сибирь,—так говорила вся трудовая Россия.

На 20 октября был назначен всероссийский с'езд Советов. Подготовка к с'езду везде шла под лозунгом: „Вся власть Советам!".

16 Октября Петроградский Совет постановил создать *военно-революционный Комитет*. Задача Комитета заключалась в военной обороне Петрограда и в борьбе с контр-революцией.

Правительство вооружилось организацией военно-рев. Комитета. В этом оно совершенно справедливо усмотрело опасность для своего существования.

На стороне Петроградского Совета стоял весь пролетариат, весь гарнизон Петрограда. Правительство было бессильно.

Комитет энергично принялся за работу: вошел в связь со всеми частями гарнизона, назначил в них своих комиссаров. Комитет воспрепятствовал вывозу из Петрограда 10.000 вин-

товок для ген. Каледина, принял меры на случай подхода к Петрограду контр-революционных отрядов. Словом, военно революционный Комитет постепенно, „по кусочкам" стал захватывать власть в свои руки.

23 Октября на заседании Петроградского Совета тов. Троцкий говорил о военно-революционном Комитете:

„Вся власть Советам—это наш лозунг. В ближайшую эпоху, эпоху заседаний всероссийского с'езда Советов лозунг этот должен получить осуществление... Военно-революционный Комитет возник, не как орган восстания, а на почве самозащиты революции... Завтра с'езд Советов... Задача гарнизона и пролетариата—предоставить в распоряжение с'езда накопленную силу, о которую разбилась бы правительственная провокация... Если правительство 24-мя или 48-ью часами, которые остались в его распоряжении, попытается воспользоваться для того, чтобы вонзить революции нож в спину, то мы заявляем, что передовой авангард революции ответит: на удар—ударом, на железо—сталью".

В ночь на 24 октября правительство Керенского распорядилось закрыть газеты большевиков—„Рабочий путь" и „Солдат". Типографию опечатали, поставили караул, а редакторов было решено привлечь к суду за призыв к ниспровержению „существующего строя".

Увы! — фактически в это время „строй" г. Керенского—Кишкина—Коновалова уже не существовал. Спустя несколько часов после „закрытия" газет. в типографию явился комиссар военно-революционного комитета и пред'явил следующее постановление:

„... типографии революционных газет открыть.

2) предложить редакциям и наборщикам продолжать выпуск газет.

3) Почетная обязанность охранения революционных типографий от контр-революционных покушений возлагается на доблестных солдат Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона“.

Одновременно с закрытием газет правительство подтянуло к Петрограду юнкерские части и ударные батальоны. Ночью были разведены мосты. Контр-революция мобилизовалась и перешла в наступление. Но сила была на стороне рабочих и солдат, руководимых твердой уверенной рукою партии большевиков.

Утром 25 октября правительство Керенского было низложено. Власть перешла ко Второму Всероссийскому С'езду Советов.

Вся власть Советам.

Второй Всероссийский С'езд Советов был созван меньшевистско-эсеровским Центральным Исполнительным Комитетом Советов. Вечером 25 октября, ко времени открытия с'езда, было на-лицо 562 делегата, из них большевиков—382, сочувствующих большевикам—31, левых эсеров — 70, об'единенных интернационалистов—15, меньшевиков-интернационалистов—30, меньшевиков оборонцев—21, эсеров-центра—36, эсеров-правых—16, национальных социал-демократов—7, национальных эсеров—3, анархистов—5.

С'езд был открыт меньшевиком *Даном* в 10 ч. 45 мин. вечера в большом зале Смольного

института. Дан говорил, что при открытии с'езда он политических речей говорить не будет, ибо и так все ясно:

— „В момент, когда я говорю перед вами, наши товарищи, заседающие в зимнем дворце, находятся под обстрелом. Сейчас не место политическим речам“.

Г-н Дан имел в виду „товарищей“ членов временного правительства, засевших в зимнем дворце и оттуда рассылавших лживые телеграммы по всей России. Через несколько часов Зимний дворец был взят, и господа министры, за исключением удравшего Керенского, находились уже в руках восставшего народа...

Вернемся к с'езду. В президиум вошли большевики и левые эсеры. Социал-предателя Дана на председательском месте сменил большевик *Каменев*. По предложению левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов, с'езд постановляет первым обсудить вопрос о мирном разрешении создавшегося конфликта. Но не дождавшись решения вопроса, меньшевики и эсеры вносят заявление об уходе со с'езда. Они направляются в городскую думу, где в это время собирались все контр-революционные силы и где социал-предателями был создан белогвардейский „Комитет спасения родины и революции“.

По поводу ухода меньшевиков и эсеров с'езд советов принял следующую резолюцию:

„Уход со с'езда делегатов меньшевиков и эсеров представляет собою бессильную и преступную попытку сорвать полномочное всероссийское представительство рабочих и солдатских масс в том момент, когда авангард этих

масс с оружием в руках защищает с'езд и революцию от натиска контр-революции".

Далее резолюция перечисляет главные преступления социал-соглашателей и кончается так:

„Уход соглашателей не ослабляет советы, а усиливает их, так как очищает от контр-революционных примесей рабочую и крестьянскую революцию.

Заслушав заявление эсеров и меньшевиков, второй Всероссийский с'езд продолжает свою работу, задача которой предопределена волей трудящегося народа и его восстанием 24 и 25 октября.

Долой соглашателей! Долой прислужников буржуазии! Да здраствует победоносное восстание солдат, рабочих и крестьян!"

Предатели и соглашатели, в количестве не более 50 чел., ушли. Представители рабочих, солдат и крестьян остались. С'езд постановил обратиться к рабочим, солдатам и крестьянам с воззванием, в котором говорилось:

„Второй Всероссийский с'езд Советов Рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство советов. На с'езде присутствует и ряд делегатов крестьянских советов. Полномочия соглашательского Центрального Исполнительного Комитета советов окончились. *Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, с'езд берет власть в свои руки.*

Временное правительство низложено. Большинство членов временного правительства уже арестовано.

С'езд постановляет: вся власть на местах

переходит к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обезпечить подлинный революционный порядок".

Воззвание оканчивалось следующими словами:

„Корниловцы—Керенский, Каледин и другие—делают попытки вести войска на Петроград. Несколько отрядов, обманным путем двинутых Керенским, перешли на сторону восставшего народа.

Солдаты, окажите активное противодействие Корниловцу-Керенскому. Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие, в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира. Да здраствует революция!

Второе заседание с'езда открылось вечером 26 октября. В порядке дня стоял вопрос о *мире*. С докладом выступил тов. Ленин. Его встретил с'езд бурными, долго несмолкавшими рукоплесканиями. Докладчик огласил декрет о мире, в котором говорилось:

„Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября, опирающееся на Советы Р., С. и Кр. Депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам, *начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.*

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,—миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,—таким

миром правительство считает *немедленный мир без аннексий* (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить *всем воюющим народам* немедлено, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира, полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций".

Далее декрет об'ясняет, что следует понимать под аннексиями, и заявляет:

„Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными богатыми нациями захваченные ими слабые народности, Правительство считает *величайшим преступлением* против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей, условиях.

В месте с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультиматывными, т. е. *соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира*, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на *полнейшей ясности*, на *безусловном исключении всякой двухмысленности* и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию Правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение *вести все переговоры совершенно от-*

крыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных Правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывает, к доставлению выгод и привиллегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великоруссов, Правительство об'являет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать открытые переговоры о заключении мира, правительство со своей стороны выражает готовность вести эти переговоры, как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров Правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем Правительствам и народам всех воюющих стран *немедленно заключить перемирие*, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не менее, как на 3 месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без из'ятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

В заключение в декрете содержится специальное обращение к рабочим Англии, Франции и Германии. Декрет указывает на их великие заслуги перед мировым пролетарским движением и выражает глубокую уверенность, что пролетарии Англии, Франции и Германии „всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации".

В защиту декрета о мире тов. Ленин говорил: „Наше обращение должно быть направлено и к правительствам и к народам. Мы не можем игнорировать правительства, ибо тогда затягивается возможность заключения мира, а народное правительство не смеет это делать, но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира. Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций. Мы не будем отступать от нее, но мы должны выбить из рук наших врагов возможность сказать, что их условия другие и поэтому нечего вступать с нами в переговоры. Нет, мы должны лишить их этого выигрышного положения и не ставить наших условий ультимативно. Поэтому и включено положение о том, что мы рассмотрим всякие условие мира, все предложения. Расмотрим, это еще не значит, что примем. Мы внесем их на обсуждение Учредительного Собрания, которое уже будет властно решать, что можно, и что

нельзя уступить. Мы боремся против обмана правительств, которые все на словах говорят о мире и справедливости, а на деле ведут захватные грабительские войны. Ни одно правительство не скажет всего того, что думает. Мы же против тайной дипломатии, и будем действовать открыто пред всем народом. Мы не закрываем и не закрывали глаз на трудности. *Войну нельзя кончить отказом, войну нельзя кончить одной стороне*".

Целый ряд ораторов от имени рабочих, солдат, крестьян, от имени измученного войною трудового народа присоединяется к декрету о мире. Все говорят о том, что обращение с'езда советов будет встречено с великой радостью угнетенными всего мира. *Декрет о мире с'ездом было принято единогласно*.

Весь с'езд после этого поднялся с мест и стройно пропел могучую песню рабочих всего мира „*Интернационал*". Тов. Ленину, как автору декрета о мире, была устроена бурная овация. В заключение был пропет с'ездом *похоронный гимн в память жертв кровавой войны*.

Таково было решение с'езда советов о мире. Это был единственный в мировой истории случай, когда одно государство предлагало другим государствам честный, справедливый мир без грабежа, обмана и насилия. Это было первое предложение о *подлинном мире между народами*. И такое предложение могло быть сделано потому, что власть находилась в руках самого народа, которому не нужны грабежи, захваты и насилия над другими народами и странами.

Следующий вопрос—*о земле*. Докладчик тов. Ленин говорит:

— Мы полагаем, что революция доказала и показала, насколько важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженнаго возстания второй октябрьской революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и с.-р., которые под разными предлогами оттягивали разрешение земельнаго вопроса и тем самым привели страну к разрухе и к крестьянскому возстанию. Фальшью и трусливым обманом звучат их слова о погромах и анархии в деревне. Где и когда погромы и анархии вызывались разумными мерами? Если бы правительство поступало разумно и если бы его меры шли навстречу нуждам крестьянской бедноты, то разве крестьянская масса стала бы волноваться. Но, все меры правительства, одобряемые соглашательскими Советами, шли против крестьян и вынудили их на возстание.

Вызвав восстание, оно стало кричать о погромах и анархии, которые само же вызвало. Оно хотело задавить его железом и кровью, но само было сметено вооруженным возстанием революционных солдат, матросов и рабочих. Правительство Рабоче-Крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле, вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты. Я прочту вам те пункты декрета, который должно выпустить Ваше Советское правительство. В одном из пунктов этого декрета помещен наказ земельным Комитетам, составленный на основании 242 наказов местных Советов Крестьянских Депутатов. Здесь

раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен с.-р. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое Правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны.

Крестьяне кое-чему научились за время нашей 8-месячной революции, они сами хотят решить все вопросы о земле. Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации, потому что мы пишем декрет, а не программу действий. Россия велика и местные условия в ней различны, мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так как надо разрешить вопрос. В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь. (Шумные аплод.).

Декрет о земле, предложенный тов. Лениным гласит:

1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов, впредь до учр. собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества принадлежащего отныне всему народу, об'является тяжким преступ-

лением, караемым революционным судом. Уездные советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления описи всего конфискуемого имущества для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч".

Для руководства по осуществлению „земельной революции", к декрету был приложен *крестьянский наказ*, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов. В этом наказе, между прочим говорилось:

„Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетная, монастырская, церковная, полессионная, майоратная, частновладельческая, общественная, крестьянская и т. д., отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

2) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки с высоко культурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжерей и т. п. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их.

Усадебная, городская и сельская земля с домашними садами и огородами остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

4) Конские заводы, казенные и частные, племенные скотоводства и птицеводства и пр. конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины в зависимости от величины и значения их без выкупа.

Конфискация инвентаря, не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского Государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается“.

Таков первый в мире закон о земле, написанный самим народом, проведенный в жизнь правительством восставшего народа.

Эсеры и меньшевики сулили трудящимся „землю и волю“, а на деле продолжали дело угнетения народа. Эсеровский министр сажал крестьян в тюрьмы за то, что они на деле осуществляли эсеровскую земельную программу.

Партия большевиков повела народ на революцию и привела его к победе. Не на словах, а на деле она передала землю в руки народу и немедленно предложила всем честный, справедливый мир. *Октябрьская революция перешла от слов к делу от обещания к выполнению.* Враги могут клеветать на нас сколько угодно. Но никогда им не удастся замазать этого основного, ясного факта.

Но вернемся к с‘езду.

Временное правительство, в угоду Корниловцам, восстановило смертную казнь для солдат на фронте. С‘езд постановил:

Восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется. На фронте восстанавливается полная свобода агитации. Все солдаты и офицеры-революционеры, находящиеся под арестом, по так называемым политическим „преступлениям“, освобождаются немедленно.

Двери тюрем раскрылись для тысяч солдат, брошенных туда правительством Керенского. В последствии солдаты, побывавшие в тюрьмах Керенского геройски дрались против банд белой гвардии, за укрепление власти советов.

В заключение с‘езд обсуждал вопрос о власти. Было постановлено образовать временное рабочее и крестьянское правительство, под названием „совет народных комиссаров“. Председателем правительства был избран тов.

Ленин, его членами—тт. Рыков, Троцкий, Сталин, Ногин, Ломов, Милютин, Крыленко, Шляпников, Луначарский, Дыбенко, Скворцов, Авилов, Теодорович, Антонов-Овсеенко. Правительство было составлено из одних большевиков. Левые эсеры не решились тогда войти в состав правительства. Они вступили в него позднее, когда власть советов значительно упрочилась.

В состав Центрального Исполнительного Комитета было избрано 70 большевиков и 30 левых эсеров и некоторых мелких партий. С'езд постановил, что Центральный Исполнительный Комитет может быть пополнен эсерами и меньшевиками, если они пожелают войти в его состав.

В 5 час. утра на 27 октября Второй Всероссийский С'езд Советов—С'езд Великой Октябрьской Революции—закрылся. Власть осталась в руках первого в мире советского рабоче-крестьянского правительства. В книге мировой истории была начата новая славная страница.

За два года.

Всякая власть является орудием господства в руках того или иного класса. Разговоры о „всенародной власти“ это—попытка всенародного обмана. Всенародной власти нет и не может быть, ибо народ разделен на разные классы, интересы которых непримиримы. Власть либо будет служить капиталистам и помещикам, либо рабочим и крестьянам. Но невозможно представить себе такое правительство, которое одновременно защищало бы интересы и рабочих, и хозяев,—и

крестьян, и помещиков. Нет, можно служить либо угнетенным, либо угнетателям, либо эксплоатируемым, либо эксплататорам.

Правительство Николая служило дворянству и буржуазии. Но служило неумело— старыми приемами, старыми, уже отжившими, средствами. Самодержавный режим стеснял развитие буржуазии. Поэтому она была недовольна царским строем, поэтому она выставила лозунг „конституции“, ограниченной монархии.

Временное правительство первого созыва было чисто буржуазным правительством. Ему приходилось работать в обстановке революции, когда народ *диктовал* свою волю. И тем не менее правительство Гучкова-Милюкова сумело защитить имущие классы от посягательств революции. Земля оставалась в руках помещиков, фабрики и заводы—в руках капиталистов, война по-прежнему продолжалась, народ по-прежнему оставался в кабале и под гнетом.

Коалиционное правительство, составленное из представителей „всех“ партий, называвшее себя „народным“ правительством, на деле, конечно, являлось *правительством защиты буржуазии от революции*. Правительством руководили мелко буржуазные партии меньшевиков и эсеров. Но оно не смогло удовлетворить требования даже мелкой буржуазии,— например, в земельном вопросе. Для того, чтобы дать землю крестьянству — мелким собственникам, — потребовалась пролетарская революция, потребовалось свержение соглашательского, буржуазно - демократического правительства.

Власть, созданная в результате октябрьской революции, как всякая власть вообще, не была и не могла быть „всеобщей" властью. Она не брала под свою защиту капиталистов и помещиков, она не обещала ничего хорошего кулакам, мироедам, спекулянтам.

Советская власть была властью рабочего класса и деревенской бедноты. Она брала на себя защиту их интересов, она об'являла войну их врагам.

Два года работы советской власти это— два года работы для рабочего класса, для деревенской бедноты, для всех угнетенных, униженных капиталом и оскорбленных вековыми притеснителями народа. *Иначе и быть не могло.* Поставленная восставшим народом власть могла служить только ему и больше никому. Не могло же правительство рабочих и крестьян пойти на службу капиталистам и помещикам! Не могло же оно нагло, пред всем миром предать интересы выдвинувшего его народа!

Буржуазная власть всегда выступает под фирмой „всенародности". Ни одно буржуазное правительство в мире не осмелится сказать то, что есть, а именно, что оно защищает интересы лишь буржуазии. Капиталистические правительства лгут на каждом шагу о том, будто они всех готовы осчастливить: и бедных и богатых, и сытых и голодных.

Только Советское Правительство не нуждается в подобном обмане: оно прямо заявляет, что существует только для трудового народа, и это заявление проводит в жизнь на каждом шагу. В чьих интересах действо-

вала Советская Власть за два года своего существования? Для кого она жила и боролась?

Веками народ держали в рабстве и в темноте. Веками его обманывали, угнетали, тиранили власть имущие. Что удивительного, если не все еще угнетенные поняли смысл происшедшего великого переворота? Что удивительного, если и поныне находятся среди трудового народа люди, которые все еще не знают, для кого и для чего существует Власть Советов.

Но факты сильнее темноты, забитости, предрассудков. Факты красноречивее всяких слов вскрывают истинную сущность Власти Советов. Деятельность Советского Правительства открывает глаза самым темным, несознательным элементам трудящихся и убеждает их, что Власть Советов—первая в мире власть, все свои силы отдающая угнетаемому и грабляемому капиталистами народу....

Краткие итоги за два года—*итоги* за два страшных, небывало тяжких года! Итоги нечеловеческой борьбы с бесчисленными врагами, итоги напряженной работы при условии голода, холода, разрухи. Что могут дать хорошего такие итоги?

Однако, посмотрите, что получается, посмотрите, что сделал восставший народ, когда он сбросил с себя цепи векового рабства!

26-го октября земля была передана крестьянам, а 29-го октября был издан декрет о *8-ми часовом рабочем дне*. 16-го ноября было опубликовано Положение о рабочем контроле, а в течение 1918 года вся крупная

промышленность управлялась уже рабочим государством, которое опиралось и опирается на рабочие профессиональные союзы. *Главнейшие средства производства отняты у кучки капиталистов и помещиков и отданы в руки трудовому народу.*

Банки—эти крепости буржуазии—также взяты в свои руки пролетарским государством и обращены на дело народа.

Дома из'яты из рук домовладельцев. Крупные здания, служившие буржуазии и помещикам местом отдыха, развлечения и сплочения, отданы рабочим организациям, обращены на дело просвещения и сплочения трудящихся. В квартирах буржуазии произведены массовые вселения рабочих, ряд домов отдан городской бедноте.

Женщина раскрепощена. Работница избавлена от двойного рабства: по отношению к мужчине она равноправна, по отношению к капиталисту она свободна.

Угнетаемые царем и капиталистами народы раскрепощены. В Советской России нет более „инородцев"—есть только граждане. Буржуазия в течение столетий декламировала о равноправии народов. Советское Правительство с первого дня существования осуществила на деле это равноправие.

Церковь отделена от государства. Религия освобождена и народу дана возможность избавления от поповского обмана. Опять-таки, почти все буржуазные партии вводили в программу требование об отделении церкви от государства, но осуществило его лишь Советское Государство.

Школа обращена на нужды народа. Введено всеобщее, всестороннее бесплатное образование. Двери университетов открыты для трудящихся. Впервые в истории народ получил возможность учиться, просвещать свой ум, развивать свое сознание.

Для улучшения положения рабочего класса сделано все возможное. *Ни одна власть в мире не сделала для пролетариата и сотой доли того, что сделала власть советов.*

Трудящиеся застрахованы на случай болезни, увечья, инвалидности, старости. *Пособия и пенсии—наивысшие во всем мире.* Впервые в России введено *страхование от безработицы:* ни одна капиталистическая страна не пыталась даже поставить вопрос о государственном страховании трудящихся от безработицы. Наиболее далеко в этом отношении пошла Бельгия, но и она не смогла выйти из пределов несколько расширенной взаимопомощи и самопомощи. Мы обеспечили безработным возможность существования, наряду со всем рабочим классом.

Далее, государство берет под свою защиту женщину-мать, оказывая многостороннюю помощь беременным и роженицам. Детские сады, ясли, приюты, дома матери и ребенка,—все эти далеко еще не развернувшиеся учреждения имеют своей задачей защиту женщины-работницы, заботу о новом пролетарском поколении.

В этом же направлении идет решение советской власти о недопущении малолетних к работе, о воспрещении женщинам ночного труда, об ограничении рабочего дня юношей 4—6 часами и так далее.

Таковы *первые шаги* советской власти для защиты интересов трудящихся. Но это *только начало*. Эти первые шаги были сделаны под градом вражеских пуль. Советская власть не могла еще расправить свои могучие крылья, до сих пор она вынуждена была *главное* внимание уделять борьбе с врагами.

Дайте ей время! Дайте время освобожденному народу, и он Россию превратит в цветущий сад!..

Много ли сделано? Нет, не много. Нужно сделать гораздо больше. *Но буржуазия не сделает никогда и сотой доли того немногого, что сделано нами.* Буржуазия будет заботиться, конечно лишь о своем благополучии. А для ее благополучия прежде всего необходимо, чтобы рабочий класс был связан по рукам и ногам.

Да, сделано, с нашей точки зрения, немного. Но можно ли было сделать больше в разоренной от войны стране? Можно ли было сразу залечить раны миллионов, одеть и обуть раздетых и разутых, накормить и согреть голодных и холодных?

Большего сделать было невозможно. А буржуазия, если-б она стояла у власти, сделала бы во много раз меньше, то, что сейчас получают рабочие и работницы, получали бы тогда богачи...

Коммунисты хотят побороть не только Колчака и Деникина. Они хотят *побороть нищету, бедность, нехватки*. Коммунисты хотят увеличить богатство государства настолько, *чтобы каждый мог получать по своим потребностям*. Коммунисты не сомневаются в том, что освобожденные рабочие, получив, после

победы над белой гвардией, хлеб и топливо, быстро наладят народное производство и тем дадут возможность трудящимся выйти из состояния нищеты, удовлетворить свою потребность, зажить полной жизнью свободного человека.. Наша судьба—в наших руках. Народ сам является ковачем своего собственного счастья. Он стал, наконец, хозяином земли. Сейчас земля эта разорена, залита кровью и слезами. Свободный народ свободной страны упорным трудом преобразует ее.

* * *

Но в чем заключается *главное* завоевание трудящихся масс? Что самое важное, самое ценное в октябрьской революции? Земля, банки, фабрики, заводы?

Нет, не в этом главное завоевание. Оно заключается „*в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной всероссийской советской власти* в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплоатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти". (Советская конституция ст. 9).

Главное завоевание это—власть. Именно власть дает возможность уничтожать врагов и делать то, что необходимо в интересах нашего класса. Без власти можно говорить, убеждать, просить, протестовать, но *делать*, осуществлять нельзя. Делает тот, кто стоит у власти, и делает в своих интересах.

Власть дала нам возможность разрушить старый угнетательский аппарат капиталистов

и помещиков. Без государственной власти, без могучего, хорошо организованного аппарата насилия; без чрезвычаек, милиции, армии мы не справились бы с нашими классовыми врагами, не уничтожили бы старого строя и не имели бы возможности приступить к строительству нового.

Власть—наше главное завоевание. Стоит на одно мгновение выпустить ее из своих рук, как она немедленно очутится в цепких лапах буржуазно-помещичьих насильников, которые с безумной яростью обрушатся на народ и раздавят его. Власть дает нам возможность быть хозяином не только настоящего но и будущего. *Потерять власть—значит потерять все.*

Как должна быть организована власть в эпоху гражданской войны и диктатуры пролетариата? Наша конституция на это отвечает:

„Эксплоататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству—советам“.

Буржуазия пытается утвердить свое господство силою оружия. Пролетарская революция отвечает на это тем, что *разоружает капиталистов и помещиков* и *вооружает трудящихся.* Буржуазия пытается обмануть массы, напевая ей об „общности интересов“ угнетенных и угнетателей. В ответ на это революция лишает буржуазию избирательных прав, устраняет от источников власти. Буржуазия организует заговоры, поднимает восстания, применяет белый террор против вождей революции. Революция уничтожает заго-

ворщиков, беспощадно подавляет восстания бывших рабовладельцев, на белый террор отвечает массовым красным террором...

Два класса, два мира стоят друг против друга и ведут смертельную борьбу. На одной стороне—буржуазия, помещики и их лакеи. Борьба ведется за восстановление всевластия господ буржуа, помещиков, жандармов, земских, урядников—за восстановление рабства. На другой стороне рабочие, крестьяне, все вообще обездоленные и угнетенные. Борьба ведется за утверждение власти трудящихся, за окончательное торжество подлинной свободы, братства, всеобщего счастья.

Борьба достигла небывалого обострения. Ко второй годовщине великой революции палачи народа мобилизовали все свои силы. Буржуазия пытается залить кровью, превратить в пустыню великую республику труда.

Но рабочий класс не дрогнул. Он поклялся: своей революции, своей республики не отдать никому, никогда!

Весь мир разделился на две части: на сторонников и противников нашей республики. Мировая буржуазия в союзе с русскими помещиками и капиталистами ведет поход против нас. Мировой пролетариат всеми силами борется против своей буржуазии за нас. *На фронтах советской республики происходит великая битва между мировой реакцией и мировой революцией.* Весь мир знает, что в октябре 1917 года мы положили *начало мировому восстанию угнетенных!*

Российская революция идет впереди мирового революционного движения. Рабочие Англии, Франции, Австрии, Венгрии, Италии,

Германии, Швейцарии, Голландии, Балкан, пролетарии Америки и Австралии выступают под знаменем республики советов.

Мы боремся не только за наше русское дело, мы боремся за дело трудящихся всех стран. Наше поражение было бы великим несчастием для мирового пролетариата. Наша окончательная победа будет великим торжеством рабочих всего мира...

Товарищи, братья, друзья! Два года мы стоим бессменно на международном боевом посту. Два года мы выдерживаем бешеный натиск со всех сторон. Кто только против власти советов не поднимался? Кого только не покупал для нашего удушения мировой капитал?..

Мы справились со многими врагами, мы отразили бесчисленные атаки. Отбиваясь от тяжких ударов, мы безостановочно поднимались в гору. И вот, уже показалась заветная вершина. Остался лишь один перевал—*последний перевал*. Он наиболее труден, наиболее тяжек. Но—оглянитесь назад,—за нами остался бесконечно длинный, скорбный путь. Он усеян костями, он обильно полит кровью и слезами миллионов.

Возврата к прошлому нет! Там ужас, там позор, там гибель. Вперед, к заветной вершине! Вперед, на преодоление последнего перевала!

